

АМЕРИКА

«ЧАСТЬ БИОГРАФИИ ОСТАВЛЕНА ЗА БОРТОМ...»

(РАЗГОВОР С ПОЭТОМ И ДОКТОРОМ ФИЛОЛОГИИ ВЕРОЙ ЗУБАРЕВОЙ)

Инна Богачинская,
Нью-Йорк

*«Когда шлагбаум опускается,
подстать гильотине - снись!»
Вера Зубарева*

Благословенные все-таки были времена, когда все смешивалось только в одном, отдельно взятом доме. Как, скажем, у Облонских. Нынче же шкала ценностей повсеместно превратилась в шкалу обесценностей, где абсолютным монархом является валютный кодекс. Перечисляем. Урезаем. Добираем. Неважно - как? Важно - сколько?

А те смельчаки-одиночки, для которых творческое выражение себя и мира в красках, звуках и словах по-прежнему осталось единственной формой существования в этом перевернутом, зачастую фантазмагорическом и всегда парадоксальном

мире, поставлены перед сокрушительным выбором: менять форму существования или... А что если это «или» неприемлемо ими, как горьковским Соколом посулы Ужа?

За примером придется сбегать в бывший столичный граф Филадельфию. Впрочем, мы уже настолько завиртуалены, и подобные «примеры» обладают таким эффектом присутствия, что диалогический переброс Нью-Йорк - Филадельфия осуществится здесь и сейчас.

Мой партнер по диалогу Вера Зубарева явно имеет очень СВОЕ лицо. Невзирая ни на какие диктаты времени, она избрала профессию филолога еще в своей родной Одессе. Ведь стихи-то пишутся с «внутреннего» трехлетнего возраста! И, очутившись на американской земле, вопреки удобрительно-умудрительным пророчествам о карьере посудомойки, Вера, тем не менее, продолжила обучение в аспирантуре и получила степень доктора филологии. И хотя здесь, как известно, перефразируя Маяковского, мы говорим «филолог», подразумеваем «безработный», д-р Зубарева все-таки получила должность в Пенсильванском университете, где ее лекции магнитно притягивают студентов.

Но для того, чтобы выписать «Портрет Веры Зубаревой» в полный рост, необходима бога-

тая палитра красок. Творец явно постарался, когда писал его.

Посудите сами.

Вера Зубарева - писатель, литературовед и режиссер - окончила Одесский государственный университет по специальности русская классическая литература. Зубарева эмигрировала в США в 1989 году. Здесь она защитила докторскую диссертацию

по теории литературы в Пенсильванском университете (1994), где в настоящее время преподает русскую и сравнительную литературу, а также курс «Искусство принятия решений».

Зубарева автор одиннадцати книг на русском и английском языках, включая поэзию, прозу и литературную критику. Она

также выпускает литературно-философский журнал «Гостиная». В 1991 году вышел ее первый сборник стихотворений «Аура» с предисловием Беллы Ахмадулиной. В 2003 году в Швейцарии вышло третье издание ее книги «Трактат об ангелах» на русском и немецком (Pano Verlag, 2003) с рисунками Эрнста Неизвестного. Первое издание «Трактата...» было в 1993 году в США. Второе издание с переводом на английский вышло в издательстве «Русская книга» (Киев) в 1995 году. В августе 2004 года книга получила три диплома и награду «Топ Книга» на международной книжной ярмарке «Зеленая Волна».

В 2004 году Зубарева закончила работу над полнометражным художественным фильмом «Четыре незадачливых семейства» по мотивам четырех чеховских пьес. Фильм получил первое место на конкурсе «Fresh Frames», который проводится ежегодно в Филадельфии на лучший фильм-дебютант. В настоящее время фильм демонстрируется по американскому телевидению, а также на кинофестивалях в Америке.

Совместно с мужем Вадимом Зубаревым, композитором и компьютерным инженером, Вера выпустила в свет несколько дисков с ее поэзией и музыкой Вадима при участии актрисы Елены Строгановой (Нью-Йорк).

НЕБО ИТАЛИИ

Страшно не то, что оставлен дом
И роздано прошлое неизвестно на чью потребу,
А то, что чувствую себя, как фантом,
Меж созвездий, расставленных по новому небу.
Каждый мой последующий шаг
Все дальше уводит от привычного ориентира,
А инакомыслящий Зодиак Переворачивает основы мира.
Закрываю глаза, возвращаю себе небосвод,
Где созвездия - как бесформенные скопления.
Ночью звезды России не складываются в аккорд,
Коль от каждой отлучают гения.
Итальянское небо, в котором себя не найти,
Хоть возьми телескоп и обследуй квадрат за квадратом.
Так умерший, проплавав еще в бытии,
Не поняв, что к чему, не распавшись на клетку, на атом,
Наконец-то умрет, потрясенный, возле белых зеркал.
Белых-белых, как шок отразившихся близких.
Так и я, задрав подбородок, чтоб исполнить вокал,
В этом зеркале жизни не вижу самой вокалистки.

Инна Богачинская: - Для каждого человека, принявшего столь кардинальное решение о пересечении Рубикона, всегда была какая-то последняя капля,

смерть, ибо только смерть необходима.

Сжималось ли сердце в тот последний предрассветный час, когда все собрались в стенах того,

развитии, изменчивости, отсутствия неподвижного абсолюта, и расширении многообразия. У меня нет идолов, нет истин, а есть

то болит. Рано или поздно боль пройдет. Но творческая призванность сродни пожизненному приговору. И не все носители его

ставшая трамплином или ракетоносителем для решения эмигрировала. А что было у тебя? Заключила борьба за выживание и подконтрольность каждого шага и строчки?

Вера Зубарева: - Жизнь или выживание... Я бы хотела дать краткое определение выживанию, чтобы точнее ответить на твой вопрос. Выживание, как правило, связано с СОХРАНИЕМ имеющегося, и на этом делается акцент, тогда как жизнь - это ИЗМЕНЕНИЯ, ведущие к развитию. Боюсь, что мои последние годы жизни в Одессе (я эмигрировала в 1989 году) больше походили на выживание.

Я жила очень обособленно и мало соприкасалась с внешним миром - старалась избежать его, и это удавалось благодаря семье и друзьям. Писала много на кухне, преподавала в Одесском технологическом институте и, в общем, не страдала от того, что практически не было публикации. Это я принимала как должное, поскольку не шла на компромисс и не писала того, что «нужно» было для газет и журналов. Потом была встреча с Беллой Ахмадулиной, в результате которой появилась моя первая публикация в «Смене», где я была названа Поэтом года. Ахмадулина сама отнесла в редакцию мои стихи, написала предисловие, но я ничего не знала ни об этом, ни о публикации, пока мне не стали звонить со всех концов и поздравлять. Встал вопрос о выходе книги с предисловием Ахмадулиной... И вдруг - ощущение, что время остановилось. Это трудно объяснить, но все было именно так. Я вдруг почти физически ощутила отсутствие будущего для себя на той земле. Это было толчком изнутри, как будто тебя втолкнули в опустевшие комнаты - не пустые, а именно опустевшие. В них было все то же самое, кроме души их жильцов.

А потом начались сборы. Это состояние ни с чем нельзя сравнить. Оно никогда не повторится. Ты отрываешь себя по клеточкам от летнего асфальта, разрезанного мелом, веселого визга детей, ныряющих под теплые волны, запаха крутых яиц из плетеной пляжной сумки, темного прохладного полудня с эхом голосов родителей. Ты отрываешь себя от себя. Необратимость - вот то, что превращало весь этот незрелый поход в неизвестность в сюрреализм. В каком-то смысле, это было похоже на

что еще недавно было домом, чтобы проводить нас на автобус? Да, конечно. Я безудержно рыдала на кухне над моим старым столом, терпеливо гнувшим свою спину под тяжестью моих исчерпанных тетрадей. Я в последний раз смотрела в окно пятиэтажки напротив, где еще горел ночник. Но выбор между «быть или не быть» был сделан.

«Я не хочу никуда уезжать!» - заплакал разбуженный ребенок, и я почувствовала, как что-то перекатилось в горле у отца, который провожал нас. Я крепко стиснула его руку - как тогда, когда была маленькой и боялась скатиться вниз с детской горки, и тихо сказала: «Это ненадолго. Скоро ты будешь с нами». Я любила его как в детстве - всю жизнь, не смотря ни на свое взросление, ни на любые внешние перемены.

И.Б.: - По большому счету, для личности, внутри которой день и ночью функционирует цех по производству словесного материала, должно быть безразлично географическое и временное состояние. Но, тем не менее, как показала история, в отрыве от родной почвы у многих литераторов возникают разнополюсные синдромы ностальгической болезни. Да и у тебя, так называемая «эмигрантская» тема в стихах выражена настолько эмоционально, метафорично, что именно с «зацепленности» на этих твоих талантливейших строчках и началось наше тесное творческое и дружеское общение. А каковым было для тебя вращение в филардфийско-американскую почву? Молнией? Отчаянием? Полным принятием? Радостью избавления от тюрьмы и прозябания? Говоря твоими же строчками, встал ли на ноги «второй судьбы искусственный зародыш»?

В.З. Первое впечатление - это ощущение инопланетности. Америка не похожа ни на одну европейскую страну. Иная планировка домов, иной вкус еды, иные запахи и люди. И климат. Это мгновенное перебарывание из жары в холод, из снега в солнце! Впечатление, что ты гле-то на Марсе. А тут еще пресловутая клубника зимой... Помню, через месяц после того, как мы приехали (стоял февраль), мы принесли домой клубнику. Шел снег. Улицу замело. Наш сын, которому было тогда восемь лет, стоял возле окна с клубницей в руке и задумчиво смотрел на крупные снежинки. Потом он повернул-

ся ко мне и сказал: «мама, смотри, - лето, а снег идет!» В его предположении, снег летом, при всей невероятности, был вероятнее, чем клубника зимой... Пожалуй, в таком же состоянии, как наш ребенок, пребывали все мы.

Конечно, после Австрии и Италии с их изысканной архитектурой и обилием людей на ночных улицах, пригород Филадельфии выглядел скучно и прозаично. Но в Европе все эти красоты не были предзнаменены для нас, мы в них не вписывались ни как туристы, ни как жители. Мы чувствовали себя там, как в музее, из которого нас попросят после восьми. А здесь, в этой домашней расслабленной обстановке обыденной американской жизни, мы чувствовали себя на своем месте, хотя к нему нужно было еще привыкнуть и вжиться.

Я была намерена поступать в аспирантуру и защищать докторскую по русской литературе, но пока что нужно было хоть как-то поддержать семью. Моей первой работой в Америке был уход за женщиной преклонных лет, страдающей болезнью Альцгеймера. Я дежурила ночами, и на мою долю выпадали призрачные брожения по комнатам, полубезумный взгляд и всегда один и тот же вопрос: «Кто ты?» Иногда это сопровождалось короткими вспышками агрессии или попыткой отыскать «украденные» вещи. Когда моя подопечная спала, я писала свою статью по «Преступлению и наказанию», и это тоже было частью того состояния радости, которое мне вообще свойственно.

Вообще же Америка поразила своей открытостью и участием. Почти каждый американец рассказывал о своих родителях или бабушке с дедушкой, которые тоже были эмигрантами, и делился какими-то семейными воспоминаниями. Из наших бывших соотечественников с особенным теплом вспоминаю три значимые для меня встречи - с Арном Каценелинбойгеном, профессором в Вортоне (Пенсильванский университет), художницей Ириной Френкель, и с тобой. Все встречи сыграли серьезную роль в моем дальнейшем развитии. Арон стал впоследствии одним из руководителей моей докторской диссертации, а позже я начала преподавать с ним совместный курс по принятию решений в бизнесе. Моя часть была связана с литературой и фильмом. Концепция предрасположенно-

сти, автором которой является д-р Каценелинбойген, захватила меня настолько, что я посвятила ее разработке две свои литературоведческие книги, а также цикл стихотворений «Трактат об ангелах».

На одном из моих первых поэтических вечеров в Филадельфии я познакомилась с Ирой Френкель. Ее поразили мои стихи, а меня - ее работы, полные такой необычной фантазии. Тогда я моментально почувствовала эту творческую общность, которая связывает нас и по сей день. В прошлом году у нас с Ириной вышла совместная книга в одном американском издательстве, издавшем английский вариант «Трактата об ангелах». Издатель буквально влюбился в Ирины работы и поместил их на каждой странице книги!

Встреча с тобой была, прежде всего, обретением того профессионального круга, нехватка которого так ощущается здесь. Помимо всего, ты стала для меня олицетворением силы, стойкости и веры. И в тебе, и в Ароне, и в Ире я обрела не только профессионалов высокого класса, но только талантливых, редкостных личностей, но и самых теплых и дорогих друзей, разделяющих со мной мои радости и невзгоды. Это ли не подарок судьбы?

И.Б.: - Все литературоведы, критики и просто непростые читатели отмечают твою углубленность в суть явлений, твою ярко выраженную философскую направленность. Это состояние души или влиятельные определенные философских течений?

В.З.: - Это естественное состояние ума. Меня всегда волновал философский аспект бытия, вопросы, связанные с вечным, божественным, преходящим... Как это все вписывается в друг друга? Каковы влияния и последствия? Меня никогда не привлекала картина неподвижного мира с незбытым Богом на вершине, которому все наперед известно. Отсутствие изменений - это отсутствие развития. За что же Господь должен быть так наказан на всю оставшуюся вечность? Эти крамольные мысли, которые я вынашивала еще в Одессе, и сблизили меня с профессором Каценелинбойгеном, который поделился со мной своей идеей развивающегося Бога. Из всех существующих философских течений его определение индетерминизма для меня самое естественное и близкое. Я вижу мир в постоянном

привязанности и допущениях, которые могут пересматриваться и переоцениваться. Совершенство мира не в его завершенности, а в его могучей возможности развиваться и создавать новые вопросы сложившимся канонам.

И.Б.: - Гениальная Цветаева писала: «Главное в жизни писателя не успех, а успеть». Ты добилась и того, и другого. Поле твоей творческой деятельности неobservable. Коль скоро наш разговор пеэстрит высказываниями классиков, на ум приходит набивший глазную оскомину плакат в советских кинотеатрах с цитатой главного зачинщика революции Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Надеяюсь, не это побудило тебя взяться за съемку фильмов?

В.З.: - Побудительными для меня всегда являются внутренние причины, растущие из меня. Мой первый фильм, «Четыре незадачливых семейства», возник как необходимость выразить на языке кинематографа те идеи чеховской комедии - комедии нового типа - о которых я писала в своих двух литературоведческих книгах. Вкратце скажу, что Чехов называл комедиями все свои четыре пьесы - «Чайка», «Дядя Ваня» (который вырос из комедии «Леший»), «Три сестры» (чеховское определение - «комедия», «водевиль»), «Вишневый сад». Он настаивал на том, что это комедии и безумно страдал, когда из них разыгрывали драму или мелодраму. Несомненно, он видел всех этих разглагольствующих персонажей, разыгрывающих друг перед другом ученых, философов, влюбленных, и т.п. комических фигурами. Их привязанности поверхностны (с какой легкостью оставлен оплакиваемый вишневый сад!), их концепции заимствованы, их чувства сиюминутны... Чехов явно указывал на слабый потенциал своих героев, который они причют за личной весомости и драматизма. Я была режиссером и автором сценария. На сегодняшний день мы уже отсняли 3 фильма. Снимает фильм и делает монтаж наш сын Михаил, который окончил университет по специальности кинематографиста. Он же является и продюсером. Несколько дней назад мы отсняли наш новый короткометражный фильм-балет по «Трактату об ангелах».

И.Б.: - Можно быть призванным на срочную службу. Но рано или поздно истечет. Можно принять таблетку, когда что-

воспринимает эту печать неестественно. Как ты прокомментироваешь 2 следующих высказывания, принадлежащих значительным творческим фигурам. Юрий Олеша: «Быть человеком искусства, художником - большое несчастье. Это проклятие... приводит к мысли о смерти, к страху смерти и к желанию поскорее избавиться от этого страха, т.е. пуля в лоб».

В.З.: - Никогда не знаешь, насколько природа щедрка к тебе, и не наступишь ли интеллектуальный конец раньше физического. Известный факт, что многие создают физически раньше, чем духовно и ментально. Творцам приходится сталкиваться с более суровой проблемой - проблемой интеллектуального умирания при физическом благополучии. Если в первом случае еще есть надежда, то во втором ее нет. И эта суровость жизни по отношению к творцам и есть плата за то, что они замахиваются на смерть. Обыкновенному человеку такие страдания не присущи и невнятные - ему, дай Бог, постичь и соотую долю того, что сделано для него творцами.

И.Б.: - Ну, а теперь - Ромен Ролан: «Творить - значит, убивать смерть».

В.З.: - Для меня это высказывание Романа Роллана является ключевым. Смерть ведь имеет много разных личин. Это не только распад, потеря интегрального поля или состояние окаменелости. Это еще и механическое движение по кругу, по заданной программе. Это отсутствие реакции на происходящее снаружи, равно как и отсутствие происходящего внутри. Это формальное присутствие объекта при его фактическом отсутствии. Переиначивая известную дилемму, я бы спросила: «Что было раньше - жизнь или смерть?» Действительно, если создание мира было выходом из тьмы, то, что же было тьмой? Смерть? Если так, то акт сотворения был косвенно направлен на уничтожение смерти. Я говорю «косвенно», поскольку сотворение не должно ассоциироваться с актом убийства, даже если речь идет о смерти. Итак, творец и творящий - это и есть то, что противопоставлено смерти в широком смысле.

Да, творчество - одна из самых великих таинственностей и непостижимостей этого мира. Как непостижим акт Творца, создавшего явление под названием Вера Зубарева.

Фото автора